

XI 1979

8 3 6

ТУ-19-241-77

3

2

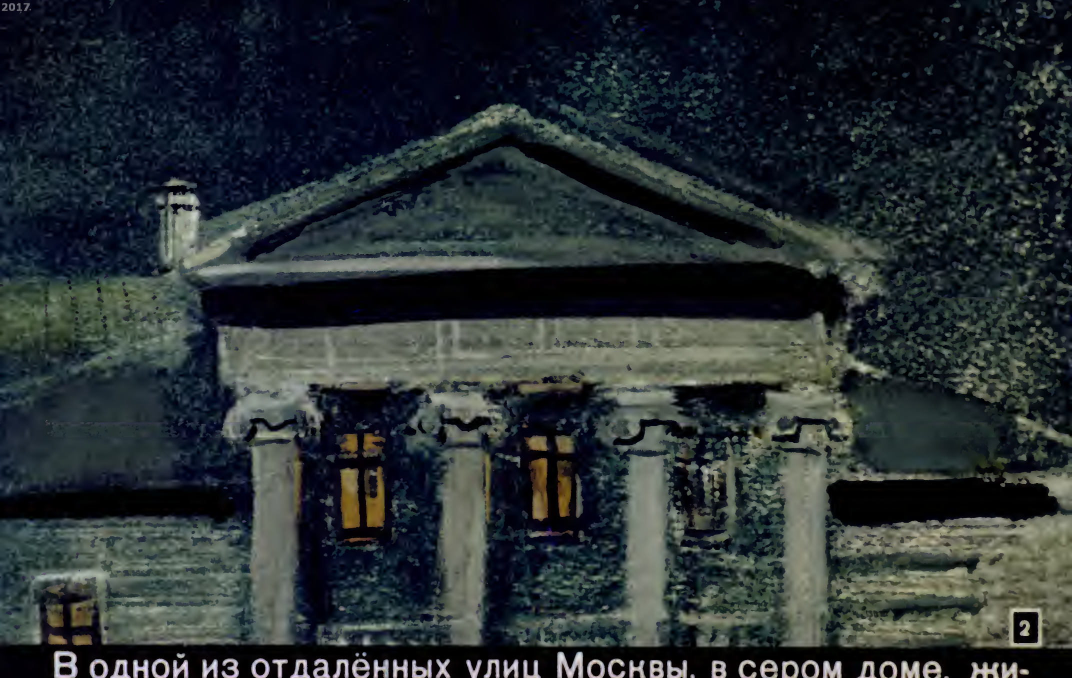

студия
ДИА
ИЛЬМ

08–3–III

МУМУ

ПО РАССКАЗУ И. С. ТУРГЕНЕВА

ХУДОЖНИК Р. СТОЛЯРОВ

В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме, жила некогда барыня, окружённая многочисленной дворней. Она уединённо доживала свои последние годы.

Из всей её челяди самым замечательным лицом был Герасим, глухонемой от рождения. Барыня взяла его в Москву из деревни и определила дворником.

Крепко не полюбилось сначала Герасиму его новое житьё. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Переселённый в город, он очень тосковал.

Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ. В полчаса всё у него было готово, и он то останавливался посреди двора и глядел на всех проходящих,

то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко отшвырнув метлу или лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь.

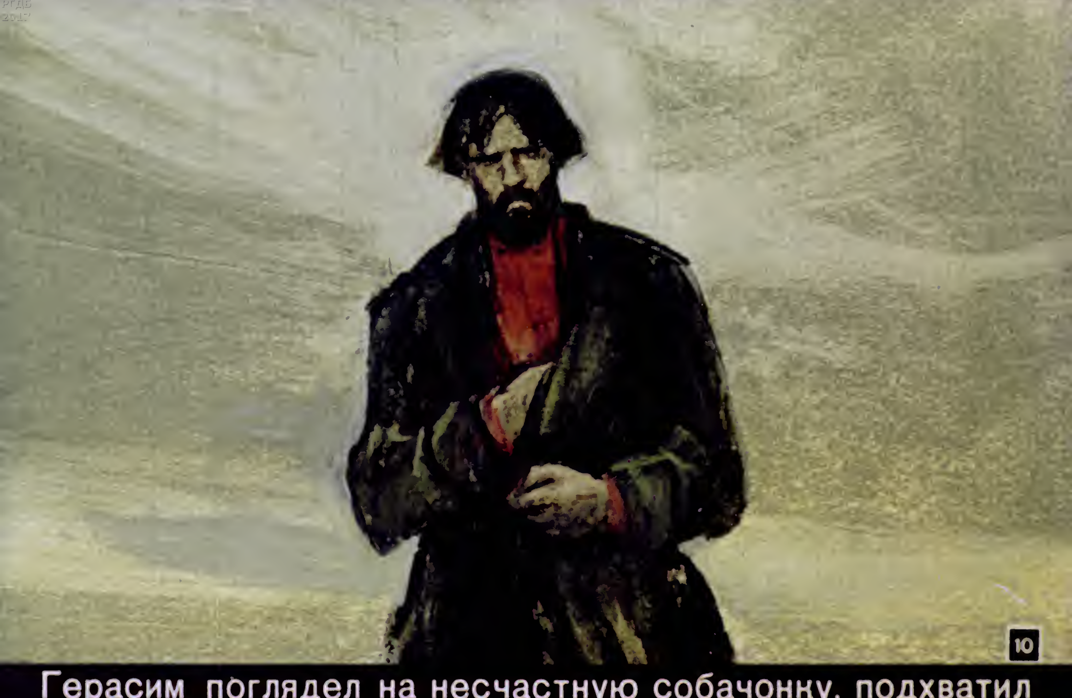
Но наконец Герасим привык к городскому житью. Дела у него было немного, и он усердно исполнял свои обязанности.

Ему отвели над кухней каморку: он устроил её себе сам по своему вкусу. Каморка запиралась на замок. Герасим не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошёл год. Однажды Герасим шёл вдоль реки и глядел на воду. У самого берега он увидел щенка, который никак не мог вылезти из тины.

Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил её одной рукой, сунул к себе за пазуху и пустился большими шагами домой.

11

Он уложил спасённого щенка на кровати, прикрыл его своим тяжёлым армяком, сбегал сперва на конюшню за соломой, а потом в кухню за чашечкой молока.

Собачке было всего недели три. Она ещё не умела пить из чашки. Герасим принагнул её мордочку к молоку, и она вдруг начала пить с жадностью, фыркая и захлёбываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеётся.

13

Всю ночь он возился с ней, укладывал, обтирал и заснул наконец сам возле неё каким-то радостным и тихим сном.

Месяцев через восемь питомица Герасима, которую он назвал Муму, превратилась в очень ладную собачку испанской породы. Она страстно привязалась к Герасиму. Он тоже любил её без памяти.

Она его будила по утрам, дёргая за полу, отправлялась вместе с ним на реку, караулила его мётлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для неё прорезал отверстие в своей двери.

И она как будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в неё, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать.

В господский дом Муму не ходила. Когда Герасим носил в комнаты дрова, она всегда оставалась у крыльца и выжидала его возвращения.

В один прекрасный летний день барыня подошла к окну и увидела Муму. – „Боже мой, – воскликнула она,– что это за собака? Она премиленькая! Велите её привести".

Лакей Степан бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и пустилась во все лопатки к Герасиму.

Степан поспешно растолковал Герасиму знаками, что барыня требует собаку к себе. Герасим подозвал Муму, поднял её с земли и передал Степану.

Степан принёс Муму в гостиную. Барыня начала ласковым голосом подзывать её к себе. Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

Барыня хотела погладить собачку, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. – „Скверная собачонка! – проговорила барыня. – Отнесите её вон“.

– Скажи, пожалуйста, – сказала барыня на другое утро своему дворецкому Гавриле, – кто позволил немому собаку у меня во дворе держать? И на что немому собака? Чтоб её сегодня же здесь не было!

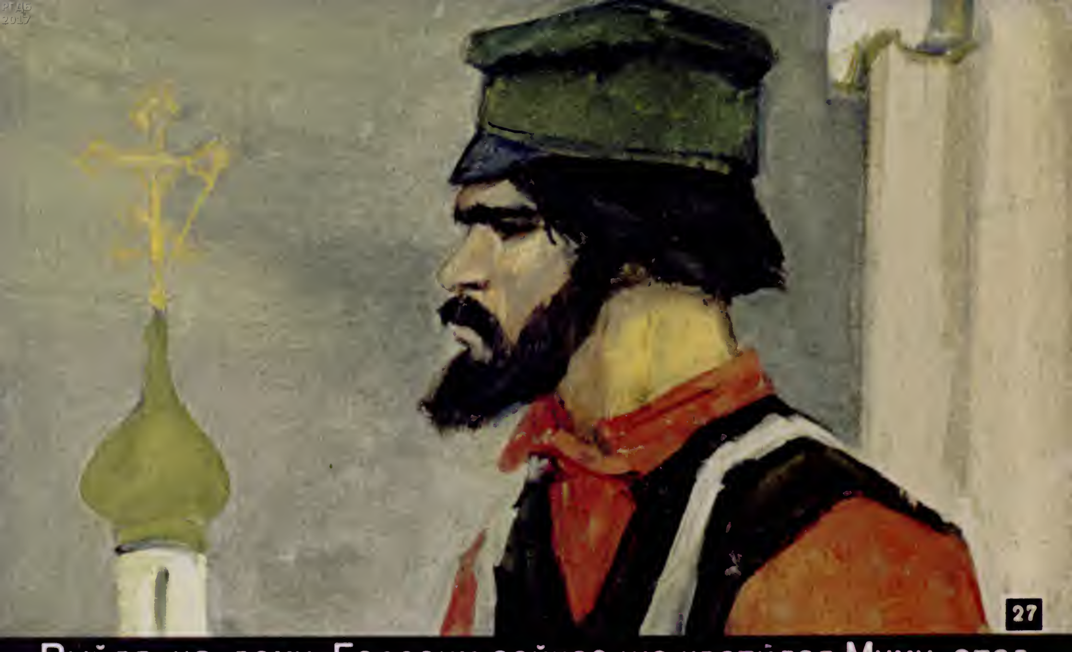
Приказ поймать Муму и увести её был дан Степану. Он, улучив удобное мгновение, когда Герасим оставил собаку у крыльца, бросился на Муму, сгрёб её в охапку,

выбежал с нею на двор, сел на первого попавшего извозчика и поскакал в Охотный ряд.

Там он скоро отыскал покупщика, которому уступил собаку за полтинник, с тем только, чтобы он по крайней мере неделю продержал её на привязи.

27

Выйдя из дому, Герасим сейчас же хватился Муму, стал повсюду бегать, искать её, кликать по-своему. Пропала! Тогда Герасим побежал со двора долой. Уже смеркалось, когда он вернулся.

Прошло двое суток. Ночью, тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим и вдруг почувствовал, что кто-то его дёргает за полу. Он вскочил... Перед ним с обрывком верёвки на шее вертелась Муму.

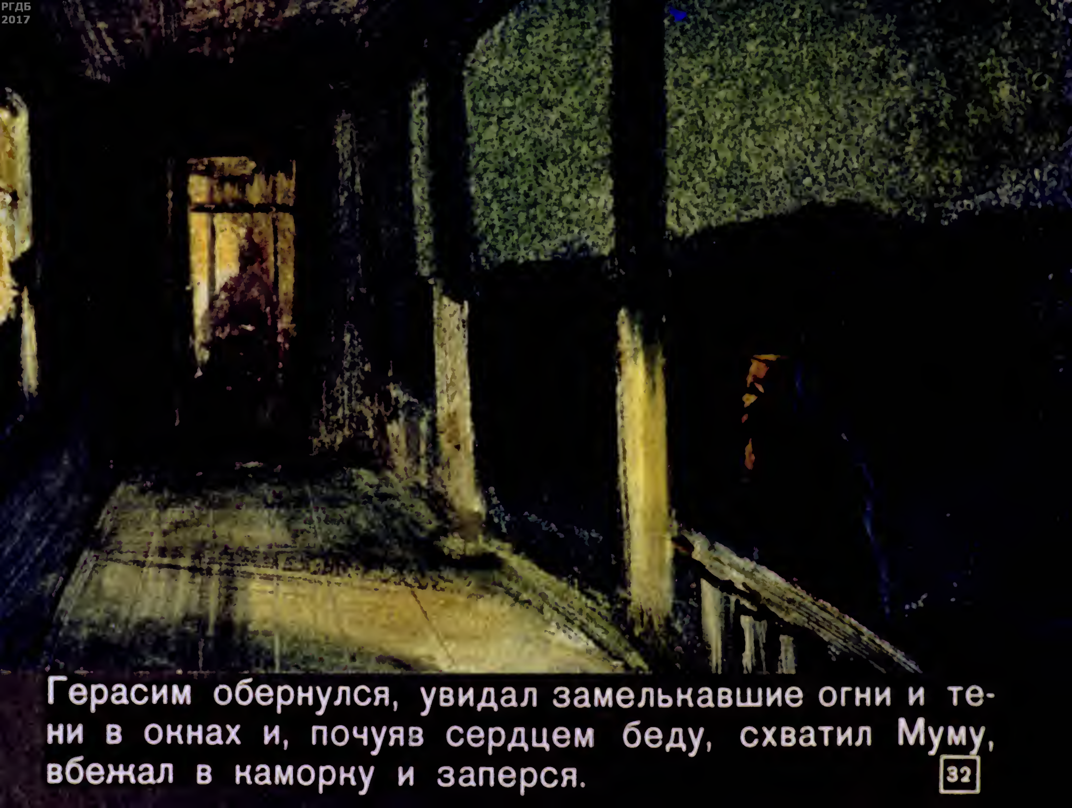
Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму и стиснул её в объятиях. Она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду.

На весь день оставил Герасим Муму в каморке, а ночью вышел погулять с ней. Вдруг за забором раздался шорох. Муму зарычала и залилась громким, пронзительным лаем.

Внезапный лай разбудил барыню. – „Девки, девки! – простонала она. – Ох, умираю! Опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором. Они меня убить хотят...“

Герасим обернулся, увидал замелькавшие огни и тени в окнах и, почуяв сердцем беду, схватил Муму, вбежал в каморку и заперся.

Через несколько мгновений пять человек ломились в дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились.

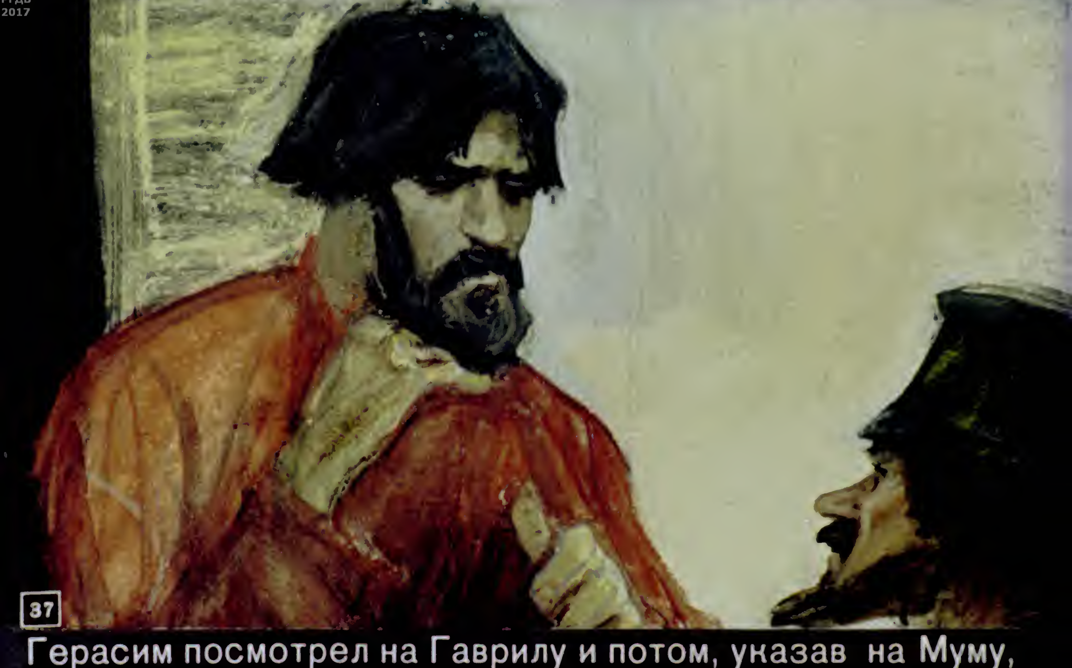
Наутро целая толпа людей подвигалась через двор
в направлении каморки Герасима.

Вдруг дверь каморки распахнулась. Герасим неподвижно стоял на пороге. Он глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка оперши руки в бока. Возле него стояла Муму.

Гаврила сделал шаг вперёд и начал объяснять Герасиму знаками, что барыня непременно требует его собаку: подавай, мол, её сейчас, а то беда тебе будет.

37

Герасим посмотрел на Гаврилу и потом, указав на Муму, сделал знак рукою у своей шеи и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берёт на себя уничтожить Муму.

Спустя час после этой тревоги дверь каморки растворилась и показался Герасим. На нём был праздничный кафтан; он вёл Муму на верёвочке.

Герасим вошёл в трактир. Он спросил себе щей с мясом, накрошил туда хлеба и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть.

Герасим долго глядел на неё; две тяжёлые слезы выкатились у него из глаз.

Когда Муму наелась, Герасим, не торопясь, вышел с ней и отправился к Крымскому Броду. По дороге он зашёл на двор какого-то дома и вынес оттуда два кирпича.

Дойдя до берега, он вскочил вместе с Муму в лодку и сильно принялся грести. Вот уже Москва осталась позади. А Герасим всё грёб и грёб.

Потом он бросил вёсла, приник головой к Муму и остался неподвижным.

Наконец Герасим выпрямился, поспешно окутал верёвкой кирпичи, приделал петлю и надел её на шею Муму. Она доверчиво и без страха поглядывала на него.

Подняв Муму над рекой, он отвернулся, зажмурился и разжал руки...

Герасим ничего не слыхал: ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжёлого всплеска воды. Когда он снова раскрыл глаза, только далеко позади разбегались какие-то широкие круги.

По шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину.

КОНЕЦ

Редактор В. Лаунберг
Художественный редактор А. Морозов

Д-246-64

Студия „Диафильм“, 1964 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20. Цветной 0-30